

большой эскорт и его легко захватить в плен, послав пятьсот всадников, ибо, говорил он, на реке есть броды. И тут на Короля нападает страх, он начинает клясть Монтатера, пусть, мол, через три дня ему огрубят голову, ведь это он подал другим дурной пример. Монтатер не показывается ему на глаза, хотя в сущности виноват был маршал Шатийон. Король сам дал повод к панике, которая овладела всей округой, пожелав вывезти всю мебель из замка Шатийон, расположенного по сую сторону реки и огражденного надсжными рвами. Король гневался два дни, на третий Савген, личный дворецкий Его Величества, подал Королю груши, кои получены были им из поместья Монтатера. Король ласкал их вкусными и спросил, откуда они. «Государь, — ответил с улыбкой дворецкий, — если бы вы знали откуда, у вас пропала бы охота их отведать. Кушайте, кушайте, я вам после скажу». А потом говорит Королю: «Мне принес их и велел вам подать тот самый человек, которого вы давеча так проклинали». Король рассмеялся и заявил, что он хотел бы получить от этих груш черенки. Наконец герцог Ангулемский примирился с Монтатером с условием, что тот не будет ни о чем говорить. В самом деле, Король сказал ему: «Монтатер, я прощаю тебя, но только никаких объяснений», — и повернулся к нему спиной. Было бы куда лучше, если бы Король, а то и Кардинал примерно наказали тех, кто так трусливо бежал из Парижа; ибо в ту пору Орлеанская дорога была запружена каретами людей, полагающих, будто в Париже оставаться небезопасно. Одним из них был Баратен де Шароп. Его-то надо было наказать для примера, присудив к выплате большого штрафа, — ведь он был богат и бездетен.

Желая создать герцогское поместье для рода Ришелье, Кардинал вознамерился приобрести имение Иль-Бушар, принадлежавшее герцогу де Ла-Тримуй;³² и для того, чтобы провести Герцога, он подослал к нему соглядатаев, кои донесли, что де Кардинал готов дать столько-то; это было больше того, что стояла земля; Герцог поверил. Кардинал спрашивает у него, желает ли он продать землю. Ла-Тримуй отвечает, что согласен и дает в том слово. «А я, — говорит Кардинал, — даю вам слово, что куплю ее; наобно, стало быть, посмотреть, — добавляет он, — во сколько она оценивается, ибо вы, должно быть, не станете дорожиться». — «О, мне сказали, — отвечает Герцог, — что вы дадите за нее, сколько с вас спросят». И все же Герцогу пришлось уступить. Один лес стоил сто тысяч акю, которые были ему уплачены за все. Герцог де Ла-Тримуй совершал еще более безрассудные сделки. Ламуссе, его шурина, извлек из Кевтенского леса, который продал ему Герцог со всеми угольями, пятьсот тысяч фравков, сумму, в которую ему обошлась вся покупка. Герцог отдал лес с прилегающими землями за меньшую сумму, нежели та, в которую оценивался только лес.

Кардинал обменялся землями с Королем, предоставив ему поместье Шинон; и, дабы не иметь по соседству прекрасного замка, который неизбежно стал бы собственностью принца крови, поскольку принадлежал